

— Даже если у мамы такие красивые, единственные в своем роде черные волосы, Божество всё равно не обратит на неё свой взор? — с любопытством спросила Оммания, глядя на свою мать, чьи черные, как шелк из темного дерева, волосы и мягкий, но отстраненный взгляд темных глаз всегда вызывали у нее трепет.

Эти слова рассмешили Эшли. Она прикрыла ладонью нижнюю часть лица, и взору остались лишь изогнутые, как серп луны, глаза, в которых плескалась глубина омута. Детские мысли всегда такие наивные и такие прекрасные. Оммания всерьез полагала, что одного лишь цвета волос достаточно, чтобы привлечь внимание Божества. Но ведь привлечь взгляд бога — это то, чего человечество Тинтии не могло добиться тысячи и десятки тысяч лет.

— Конечно, нет... У самого Божества волосы самого прекрасного в этом мире светло-золотого оттенка. Для него мамины волосы слишком обычны.

Оммания по-прежнему выглядела озадаченной, и Эшли решила продолжить разговор, просвещая девочку о Тинтии и Боге Света.

— Оммания, хочешь, я расскажу тебе историю о сотворении мира, которую поведал нам Бог-Отец?

Оммания кивнула, и Эшли начала свой неспешный рассказ:

— Бог-Отец — это первооснова всего, начало всех начал...

Он родился в хаосе мироздания. В те времена мир был лишен жизни: ни животных, ни растений, ни течения вод, ни воздуха, ни солнца, ни луны — ничего. Бог-Отец сидел в пустоте в полном одиночестве, глядя на свои десять пальцев, две ноги и две руки. И тогда он решил из своего собственного тела создать нечто подобное. Он отделил от себя волосы, ногти, уши, пальцы ног, глаза... И этим сотворил всё сущее. Волосы стали травами и деревьями, ногти — скалами и горами, уши — воздухом, пальцы ног — почвой и реками, а глаза... они стали существом, чье строение тела было подобно его собственному.

Бог-Отец счел его своим ребенком и наделил его всей полнотой власти над миром. В конце концов, Бог-Отец вырвал из груди свое сердце, которое превратилось в огонь, озарив мир и разогнав тьму, открыв этому ребенку облик вселенной. Потеряв свою божественную силу, Бог-Отец растворился в космосе.

Новорожденное дитя быстро постигло волю своего Отца. Он взял земные травы, цветы, ледники, дождевую росу и камни и разделил между ними дарованную ему божественную власть. Так травы унаследовали плодородие и жизнь, ледники — предвидение и будущее, цветы — красоту и мудрость, роса — воду и огонь, а камни — войну и победу. Эти творения, приняв божественную силу, обрели облик, подобный его собственному. А сам он сохранил последнюю, самую могущественную силу, подобную сиянию пламени сердца Отца — Свет.

— Этот ребенок, созданный руками Бога-Отца, — нынешний Бог Света Эфэйтэ, а история о сотворении мира была записана им собственноручно и названа Гимн после пепелища.

Эта легенда отличалась от той, что была знакома Эшли в её родном мире, но в ней были и общие черты. Там их создавали не дети Бога-Отца, а сам он лепил людей из глины. И сферы влияния богов были иными, но в остальном — почти то же самое.

— Значит, получается, что все боги, кроме Бога Света, должны называть его отцом?

Эшли улыбнулась:

— Возможно, дедушкой было бы точнее.

— А?

— Потому что, за исключением Бога Света и Богини Красоты и Мудрости, божественная власть остальных богов уже сменилась однажды.

Оммания кивнула, пытаясь уложить в голове иерархию божеств.

— А откуда взялись те боги, чья власть сменилась, если не считать Бога Света и Богиню Красоты и Мудрости?

Эшли рассмеялась:

— Вот мы и вернулись к твоему первому вопросу.

Оммания задумалась и спросила:

— Почему Бог Света не полюбит тебя?

— Именно. Боги, сменившие свою власть, обычно рождаются от союза богов предыдущего поколения. Только божество способно выдержать мощь любви другого божества. Конечно, бывали случаи, когда боги влюблялись в людей, но... — тон Эшли изменился, — все эти люди без исключения погибали в муках, не в силах вынести такой любви.

Оммания была поражена:

— Ни одного выжившего?

— Ни одного.

Оммания смотрела на свою мать, которая по-прежнему нежно смотрела на неё. Девочка не могла представить, какая участь ждала бы её, если бы Бог Света действительно её полюбил. Эшли не то чтобы отрицала такую возможность, она просто не хотела, чтобы это произошло, поэтому даже мысли об этом были стерты из её сознания.

Эшли взглянула на часы и поднялась:

— Поздно уже. Пора спать, как младенцам.

Оммания покачала головой:

— Но мне не нужен сон.

— Зато мне нужен, дорогая.

Эшли с легкой улыбкой взъерошила волосы Оммании. Девочке пришлось спрыгнуть со стула и, взяв мать за руку, последовать за ней в спальню.

Тем временем в Наэрмике Дисай в своей пещере раз за разом проводил гадания, и с каждым разом его брови хмурились всё сильнее. Невозможно... Будущее, которое он предвидел, не менялось. Дисай взмахнул рукой, и перед ним возникло Зеркало Будущего. Если его гадания ошибочны, то зеркало врать не может. Но видение оставалось неизменным: падший Бог Света и Эшли, чью фигуру он видел лишь со спины.

— Как такое возможно...

На недавнем собрании богов то, что он увидел, оставалось прежним. Но когда Эфэйтэ спросил его, он солгал.

— Что именно невозможно?

Внезапный голос за спиной заставил Дисая вздрогнуть. Он не спеша спрятал зеркало и обернулся к женщине, прислонившейся к выходу из пещеры. Белые волосы, словно лунный свет, ниспадали на её лицо, а томный розовый взгляд был прикован к Дисаю. Казалось, ничто в этом мире не могло сравниться с её красотой. Она была самым воплощением красоты.

Дисай замер:

— Аливайя, как ты здесь оказалась?

Аливайя кокетливо усмехнулась и картинно приложила руку ко лбу:

— О... моя мудрость подсказала мне, что сегодня я должна навестить тебя...

Дисай молча смотрел на неё. Аливайя была прекрасна той дикой, распутной и необузданной красотой, которая позволяла ей использовать свое совершенное тело, чтобы соблазнять всё, что вызывало у неё хоть малейший интерес.

<http://bllate.org/book/18502/1777525>